Черезъ по́лчаса тутъ время повали́лся старикъ на сте́ну. Удивилась вся конпа́нья: „вотъ сошлись, братъ, два колдуна́! Солдатъ вѣрно больше знатъ!“—Поташшыли старика; вы́ташшывъ на дворъ — и старикъ тутъ безъ ума: онъ напи́лся и вина. Старикъ валя́тца на дворѣ: „дайте по́мочью вы мнѣ: серцо у меня давитъ“. *).

35. „Новая изба и черемисинъ“.

1. По черемисскому повѣрью, въ избѣ жить нельзя безъ священья и́хнова попа. Задумалъ черемисинъ освяти́ть свою избу новую — произвести черемисской обрядъ. А въ етой деревнѣ стоя́ло двѣ роты солдатъ. Черемисинъ по сво́ему обряду приводитъ своёва свяшше́нника къ избѣ. Свяшшеникъ ему говоритъ, што „надо заколотить окошки на́-глухо, штобы было въ ней темно́, наслать въ избѣ соломы (за неимѣньемъ половико́въ); а за́втрѣ вечеромъ стемня́тца— произведёмъ этотъ обрядъ!“

2. А въ это врѣмё востроумой солдатъ стоялъ ту́та съ *имя́*. — „Погоди́, я надъ *имя* подшучу штуку!“—Ко́нда онѣ приготовляютца къ ве́черу, солдатъ въ свободнёе время своё зашолъ въ ету въ ы́збу. А была у печи́ на *середѣ* западня, *подполъ* былъ глубокой, такъ што съ сажёнь. Солдатъ вы́нялъ западню́, бросилъ на полати ие́, поло́жилъ кресь-на́-кресь палочки, гдѣ западня была, закрылъ соломой и самъ ушолъ. У солдата кварте́ра была рядомъ съ этой избо́й.

3. Идётъ большая толпа черемисъ и ихной попъ. Попъ говоритъ хозяину: „я буду ходить въ избѣ, запру дверь на́-глухо; а ты на улиц(с)ѣ, хозяинъ, и подходи къ каждому у́глу, спрашивай у́глу: „хто тамъ ходитъ?“—А я буду тебѣ отвѣчать: „пророкъ ходитъ хлѣбомъ-со́лёмъ!“ Потомъ къ другому у́глу: „хто́ тамъ ходитъ?“... Къ третьему углу“...

Ко́нда пошолъ онъ къ четвёртому [углу], хозяинъ съ улицы спрашиватъ: „хто тамъ ходитъ?“ — А въ то время

*) Продолженіе и конецъ разсказа не привожу: тутъ несвязно изложены бытовыя подробности о колдунахъ на свадьбѣ; солдата потомъ приглашали въ качествѣ колдуна. *(Д. З.)*.

попъ упалъ въ западню, въ по́дполъ улетѣлъ. Хозяинъ спрашиватъ съ улицы: „хто тамъ ходитъ?“—Попъ сказалъ: „чортъ ходитъ!“—Онъ осердился, упалъ дакъ; выходитъ на улицу, огнѣвался попъ на ето.

4. Черемиса признавали раньше, будто бы шайта̀нъ ходитъ. А солдатъ про ето зналъ, што онѣ будутъ шайта̀на гонять па̀лками. Собрало̀сь черемисъ очень мноho, берутъ большіе палки и въ конюшняхъ и въ амбарахъ бьютъ по стѣна̀мъ—ишшутъ шайта́на. Вѣники были приготовлены, и всѣ ихъ охлеста̀ли.

Солдатъ въ ето время у одново черемисина укралъ ко́жу козлиную: она была сня́та и съ бородой совсѣмъ и съ рогами. Онъ напя́лилъ кожу на себя, нали́лъ небольшую бутылочку караси́ну и [взялъ] спички въ карманъ. Отбѣжалъ отъ деревни недале́ко, попры́гиватъ. Черемиса увидали: „Вонъ шайта́нъ! шайта́нъ!“ Толпой бѣжать за имъ. Мноγо ихъ; окру́живаютъ солдата. Солдатъ въ ето время—не видно ево рыло подъ кожой козлиной — набра́лъ въ ротъ караси́ну, вытасшилъ изъ коробки три спички (штобы я́рче горѣли), брызнулъ карасинъ на этѣ спички; караси́нъ на воздухѣ сдѣлался пла̀мёмъ. Онѣ етова шипко испугались — и бѣжать назать.

5. Солдатъ скрылся въ мелкую ро́счу, снялъ всё съ себя, отправился въ кварте́ру. Захо́дитъ вечерко́мъ въ толпу черемисъ; толпа черемисъ разговариваютъ: „какъ бы вы́жить етова шайта̀на?“ — Солдатъ имъ говоритъ: „какой ето шайтанъ? ето ма́линькой! есь шайта́ны больше етова“.

А солдатъ былъ... На и́хной родинѣ были верблюда́.— „Погоди, братъ!—думатъ солдатъ:—я ро́лю сыграю надъ вамъ!“... „А сколько вы мнѣ дади́те — выжить шайтана етова?“—„50 рублей дадимъ“.—„А ежли весной большой къ вамъ придётъ, за тово сколько?“—„А мы большо̀ва ешо и не видали, цѣны́ не знамъ, сколько сто̀итъ“. — „А вотъ погоди́те: весна будетъ, такъ изъ Самарской губерніи придётъ“.

6. Черемиса такъ зиму и живутъ — не видятъ ево, не большова и не малинькова. Солдатъ написалъ домой письмо: „што̀бы не стало, вышлите мнѣ верблюжью шкуру: снять ие́, штобы была голова и уши, и хвосъ, и но̀ги, и лапы, и всё штобы было тутъ“. — Солдату дѣйствительно и вы́слали

верблюжью шкуру; она ему стоила не дёшево — рублей 30 съ пересылкой.

Солдату шкуру присла́ли. Онъ сталъ приду́мывать... Сдѣлалась уже весна, тепло́. Подговорилъ себѣ товарисча: „давай, братъ, деньги станетъ наживать!“ — „Да когда?“ — „Въ слобо́днѐ время“. — Пошли, взяли съ собой шкуру, набили иѐ туго соломой — въ ноги и въ го́лову, вездѣ; — какъ есь верблюдъ (А черемиса съ ро́ду не видали ихъ). И утасшы́ли ево на то мѣсто, гдѣ у черемисовъ бываетъ праздникъ, въ рощу на лугахъ; закла́ли ево тамъ чашшо́й, положи́ли, штобы не мохъ нехто́ найти.

Кохда приходитъ ето время, черемисской праздникъ, — а салдаты на е́тѣ дни отпросились у команде́ра на вольную работу; солдтты приходятъ въ росчу, берутъ етово верблюда̀, пристро́или ево на́ ноги на лугу, поставили къ ры́лу долгую жердь, на жердѣ вверху сдѣлали кольцо, куды́ продёрнуть шнуръ. Одинъ конецъ шну́ра привязалъ къ верблюду́ за но́здрю и продёрнули на верху́ въ кольцо, накла̀ли хвои́ тутъ и *чашшы́* сыро́й, штобы не видать было ихъ черемисамъ.

7. Черемиса, больша́я масса, съ мясомъ ѣдутъ на луга. Въ ето время одинъ солдатикъ по ро́счѣ пробѣжалъ къ нимъ, а другой остался тамъ въ ямкѣ подъ хвоёй. Которой убѣжалъ въ росчу, онъ сказалъ таварисчу: „я остановлю черемисъ, а ты за верёвочку дёрьгай, штобы у верблюда̀ голова была внизъ и вверхъ — ходила на шнуркѣ“. — Солдатикъ выбѣга́тъ изъ росчи, кричитъ черемисамъ: „стойте, ребята, не ѣздите!“ — „А што́ не ѣздить?“ — „У насъ трёхъ солдатъ съѣлъ! Одинъ [солдатъ] тутъ ишо остался; не знаю — живъ, нѣтъ. Вотъ я вамъ раньше сказывалъ, што большой шайтанъ придётъ!“

Онѣ дѣйствительно съ роду не видали ихъ [верблюдовъ], и такъ всѣ и подумали, што и дѣйствительно большой шайтанъ пришолъ. — „Такъ какъ жо, солдатъ, это дѣло-то будетъ у насъ?“ — „Это господа, не 50 рублей сто́итъ, а 300 рублей. Онъ какъ съ голоду́хи-то заберётца въ деревню къ намъ, — а мы съ ру́жьями, да и маршъ въ другую деревню; а вы тутъ и оставайтесь: онъ васъ всѣхъ и переѣстъ!“

Живо черемиса бохатые вынимаютъ деньги: „на́, братъ

солдатъ, дѣньги, только уведи́ ево!“ — Солдатъ говоритъ: „куды я ево поведу? ужъ ежли въ такомъ случа́ѣ зарубить ево?“ — Одинъ бойкой черемисинъ: „позвольте вамъ сказать: у меня съ собой винтовка, и заря́жена пулей — я ево застре́лю“. — Солдатъ говоритъ: „давай, стрѣляй! деньги назать возьми!“ — Разъ стрѣлилъ и два. А салдатъ въ ямѣ подерьгиватъ шнуркомъ, — верблюдъ головой внизъ и вверхъ. А которой солдатъ стоитъ съ черемисами, говоритъ, што „сейчасъ прибѣжитъ сюда!“ — „Разѣ, солдатъ, ево пуля не берётъ?“ — „Чудны́е вы! да 'дѣ-жо шайта́на пуля возьмётъ?!“

8. Черемиса вы́дали ему всѣ деньги и говорятъ всѣ: „отнеси эту *загогулину* на Самарску губернію!“ — Солдатъ говоритъ: „што́ вамъ — увести ево въ лѣсъ или употребить ево на мѣстѣ?“ — Черемиса говорятъ: „если *смо́жосся*, заруби и сожги!“

Солдатъ бѣжитъ къ таварисчу своёму, которой сидѣлъ тамъ въ ямѣ: „вали ево, тава́ришшъ, на́ бокъ!“ — Таваришшъ свали́лъ ево на́ бокъ; будто бьютъ ево топоромъ. А черемиса на ево глядятъ. Солдаты свалили верблюда́, бѣгаютъ бѣго́мъ, кладутъ дровъ подъ нево, начинаютъ жечь. Кожа начала горѣть пы́лко, съ соломой набитая.

Солдатъ замахалъ сюда, што „поѣзжайте сюда!“ — Черемиса подъѣзжаютъ. Одна осталась зола да пепелъ. Берутъ черемиса эту пыль, всю розбрасываютъ по сторонамъ. Пошло́ у нихъ тутъ гуля́ньё. Черемиса салдатъ наградили сверхъ о́нова.

9. *Вразъ* тутъ у нихъ одинъ заболѣлъ (у черемисъ). Солдатъ спрашиватъ: „што́ ето съ нимъ случилось?“ — „А года три назать была чума у насъ, и вотъ болѣло у ихъ семейство; навѣрно ета боль“. — Солдатъ говоритъ: „вѣдь это нужно прекратить болѣзнь!“ — „А хто мо́жотъ прекратить? До́хтуръ?“ — „Да што́ намъ дохтуръ? Мы сами дохтура́!“

У черемисина начинаетъ ноги притягать къ ж... А у ево сдѣлалась су́дорога отъ простуды. — „Ташшы́те скоря́е возжи!“ — солдатъ кричитъ: — „Привязывай за́ ноги! задѣвай ему за ше́ю!“ — Черемиса говорятъ: „што́ ты, солдатъ, дѣлашь?“ — „Што дѣлаю? черемисина лѣчу́! У насъ на службѣ навсеѣда́ такъ лѣчатъ. Чума́ утя́нетъ но́ги къ ж..., а всякая болѣзнь дѣлаетца наоборо́тъ; вы поймите, хорошо́ вѣдь зна́ите: е́жли у человѣка сдѣлатца воспале́ньё, то ему дѣ-

лаютъ холодной компре́съ... А мы теперь ста̀нёмъ тянуть но́ги у нево сюда, наоборотъ". – Солдатъ но́ги тянуть, тянуть, и вы́правилъ у черемисина прямо. А оно́ и дѣйствительно: су́дорога была, оно и са̀мо отошло́.

„А сколько, солдатъ, за труды?" – „Да рублика три бу́дётъ. А ежли пяти́тку дади́те, дакъ я васъ поучу́ кое-чево!" – „Давайте съ но́су соберёмте пять рублей!" – Собра̀ли пять рублей, бросили солдату. Онъ имъ говоритъ, што „е́жли у васъ человѣкъ захвора̀тъ, то вы ему подавайте черезъ часъ по ложкѣ, а передъ смертію двѣ! Передъ смертью, – говоритъ: – и дохтуръ не почёмъ!"

---

36. [Николай Чудотворецъ порукой].

1. На я́ркомъ яру́, на крутомъ берегу́ жилъ-былъ скупой богатый мужикъ. Онъ никому не давалъ не копейки заимообразно.

Одинъ крестьянъ оставался совсѣмъ голодомъ. И говоритъ своей женѣ: „я, жена, пойду къ этому богачу́ просить де́нёгъ". – „Глупой мужикъ, вѣдь онъ некому́ не даётъ, не подъ рабо́ту даже!" – Приходитъ бѣднякъ къ богачу просить денегъ. – „Антипъ, батюшка! Не дай мнѣ умереть съ голоду! дай мнѣ денегъ". – „Нѣтъ, братъ, я никому не даю, никогда́". – „А ежли я тебѣ приведу пору́ку, дашь?" – „Да, поруку?" – „Поруку!" – „А ково ты приведёшь?" – „Николай Чудотворецъ есь у васъ на *божни́цѣ*, – онъ мой порука". – „Нѣтъ, братъ, ты ужъ приходи вечеромъ: я подумаю сначала!" – „Хорошо".

2. Мужикъ отправился. Приходитъ домой, разсказываетъ свое́й женѣ, што „Антипъ мнѣ пода̀лся немного: велѣлъ притти ве́черомъ". – „А што же, мужикъ? ты што ему сказалъ?" – „А мой порука Николай Чудотворецъ будетъ". – „Да какъ же, мужикъ? вѣдь онъ говорить не будётъ?" – „Ты, жена, одѣнься потепля́е въ шубу, стань къ этому у́глу, гдѣ иконы. Когда я буду просить у ево де́нёгъ, – „Батюшко Николай Чудотворецъ! – скажу: – поручись за меня!" – ты на улицѣ говори громча́е, што „поручу́сь!"